

благоприятных обстоятельствах и с одобрения власти церковной, не только является возможным, но даже желательным (*quaedam communicatio in sacris, datis opportunitis circumstantiis et approbante auctoritate ecclesiastica, non solum possibilis est, sed suadetur*)». Принципиальное значение этого последнего параграфа несомненно очень велико и показательно.

Семена единства во Христе уже брошены и возрастают. Брошены они уже подвигом и мученичеством русской исповеднической Церкви под игом большевиков и пробудившимся раннехристианским, близким к нам по духу настроением среди многих протестантских кругов Германии и вообще Центральной Европы, особенно после Второй мировой войны. И Второй Ватиканский собор, несмотря на все человеческие недочеты и недостатки его, в общем, глубоко назидательной и поразительной деятельности и несмотря на то, что он не смог преодолеть некоторых печальных сторон наследия Первого Ватиканского собора 1870 года, явился перед глазами всего мира — и католического, и общехристианского, и внехристианского, и верующего, и неверующего, — носителем неожиданных потоков духовной динамики — динамики сострадания и одухотворенного служения любви.

И это есть веяние Духа, того Духа, Который может преодолеть человеческие преграды и привести к единству всех, кто охвачен и будет еще охвачен той Вечной Жизнью, что пришла в мир и раскрылась миру.

Моя аудиенция у папы Иоанна XXIII

Папа Иоанн XXIII был великий праведник, смиренный и охваченный порывом жертвенной любви — *служением любви*. Самые первые его выступления после избрания его конклавом: как он выбрал себе имя «Иоанн» из особой любви и почитания к апостолу любви — Иоанну Богослову, как он был добр, смирен и приветлив и прост в обращении, как он стал ходить пешком по улицам Рима без всякой охраны, и особенно как он стал говорить о внутреннем перерождении христиан, об их духовном росте как необходимых предпосылок к единению — все это все больше возбуждало мое восхищение (это чувство возбуждал он, как известно, во многих и многих людях). При случае в разговоре с одним приятелем, очень видным католическим

богословом, живущим в Америке, я сказал как-то: «Как я был бы рад и счастлив иметь аудиенцию у этого папы! Но, конечно, это вряд ли возможно, так как я не имею никаких данных для получения такой аудиенции; я мало известный человек, занимающийся вопросами христианского мирозозерцания, не имею ни сана, ни высокого положения, и притом не католик». На это мой собеседник мне ответил, что такую аудиенцию нетрудно устроить. Это было в конце марта или в апреле 1959 года (в конце января 1959 г. папа Иоанн XXIII в первый раз выступил с торжественным заявлением о желательности единения всех христиан, а также и созыве Собора всей Католической Церкви для обновления внутренней жизни Церкви). Через месяц после нашего разговора мой приятель мне сообщил, что он получил письмо из Рима, что папа Иоанн «riceverà volontieri» («с удовольствием примет») профессора Арсеньева. Как только выяснилось, что я смогу поехать летом в Европу, я написал в Рим о времени своего приезда — по указанному мне адресу. Ответа не последовало и лишь на третий мой запрос я получил уже в Европе (Женева) сообщение, что окончательный ответ об аудиенции дается, по правилам Ватиканского «протокола», только по прибытии данного лица в Рим. Тотчас по приезде в Рим я позвонил прелату, ведшему переговоры, и тот сообщил мне, что он теперь сделает окончательный запрос и что через дней пять-шесть, не позже как через неделю, будет дан окончательный ответ. И действительно, мне было сообщено через 6 дней, что папа Иоанн XXIII примет меня в личной аудиенции в своем загородном дворце в Кастельгандольфо. <...>.

10 сентября 1959 года. Сажусь в 11 часов в большой черный-лаковый ватиканский автомобиль у ворот дома, где я жил. Он быстро везет меня через Рим и через Кампанию, мимо арк Клавдиевского акведука. Почти незаметно начинается подъем в гору и через 30 минут въезжаем во внутренний двор папского дворца Кастельгандольфо. Подымаюсь по подъемной машине два этажа. Меня встречает швейцар в черном фраке и два дежурных придворных чина в темно-пунцовых шелковых камизолах и отводят в комнату, третью от подъемной машины, и приглашают сесть и ожидать. Осталось ровно 30 минут до срока приема. Я осматриваю мебель — типично итальянская дворцовая XVII–XVIII веков. Высокие кресла с высокими и потом немного сгибающимися спинками, пол мраморный двухцветный — зеленый с белым, два мраморных стола на витых золоченных ножках. На одном — большие бронзовые часы — между двух золоченных канделябров, на другом — большое бронзовое золоченное распятие. Время медленно и сосредоточенно проходит. В 12 часов бьют часы, в разных местах, но с разнобоем, так что этот бой длится несколько

минут. В 12 часов 5 минут раскрываются те же двери, через которые я вошел, и швейцар вводит группу мужчин парами; все в темно-синих костюмах — лет 40–60, но есть и юноша лет 18–19 со своим отцом. Всего их человек 12. Мне предлагают присоединиться к этим парам сзади, и мы все направляемся дальше вглубь дворца. Проходим еще комнату и, наконец, во второй от той, где я сидел, очень длинной, с возвышением у противоположной стороны, на которой стоит большое золоченное кресло, с рядом высоких кресел вдоль других стен. Мы все садимся в расстоянии 3–4 шагов друг от друга. Значит, думаю я, аудиенция будет полусовместная; не только папа будет с каждым говорить не больше 2-х минут, но все, что он мне скажет или что я ему скажу, будет слышно соседям и справа и слева. В это время входит опять дежурный придворный чин и громко вызывает: «Il professore Niccolò» («профессор Николай»).

Я иду один за ним в следующее, соседнее помещение, и опять меня сажают. Это уже — очень большая, длинная зала (вроде коридора) и мне кажется, что обстановка еще богаче. Мраморный пол уже не двухцветный, а пятицветный (розовый-белый-черный-зеленый и, кажется, голубой). Это уже шестая комната после подъемной машины. Вдруг идет по коридору ко мне навстречу высокий, худощавый, уже не молодой прелат с широким лиловым поясом, с коротко-остриженными седеющими волосами, с аскетическим и одухотворенным лицом мыслителя и подвижника, в очках, и берет меня за руку. Он ведет меня к двери напротив, отворяет ее, впускает меня и закрывает ее за мной. Я вхожу один. Передо мной очень большая комната. Окна и свет с двух сторон: прямо напротив и направо (до сих пор окна были только справа; значит я дошел до конечной комнаты этого этажа). Напротив — письменный стол; за ним сидит лицом к двери папа Иоанн в своем белом одеянии. Он протягивает по направлению ко мне руку. Я подхожу, становлюсь на одно колено и целую его перстень с инициалами Христа, а он знаком приглашает меня сесть у стола в кресло. Кресло стоит не против него, спиной к двери, а с узкой боковой стороны стола, совсем близко от его кресла: «Я очень рад, что Вы пришли, Вы хорошо сделали, что пришли», — говорит он мне по-французски. — «Ваше Святейшество, позвольте Вам сказать, что на многих христиан произвело большое впечатление то, что Вы сказали об единении христиан, и я молю Бога, чтобы Он помог Вам сделать некоторые подготовительные шаги в этом направлении», — так ответил я ему, приблизительно повторяя то, что я сказал кардиналу Тиссерану. — «Знаете ли Вы, из чего я исхожу?» — ответил папа. «Я исхожу от Молитвы Господней — от первых трех ее прошений:

- Да святится Имя Твое.
- Да придет Царствие Твое.
- Да будет воля Твоя!

Если Его имя будет прославляться в нас и через нас, если придет к нам и будет царить в нас и руководить нами Его Царство, если Его воля будет твориться в нас и через нас — тогда мы будем все едины».

«Вы знаете, как я пришел к решению говорить о необходимости стремиться к единству христиан? В конце января этого (1959 г.) года я служил мессу в течение “Недели единства”, и во время обедни пришла вдруг в голову мысль, не сказать ли мне что-нибудь об единении христиан. Но я сначала отогнал эту мысль. На другой день опять во время совершения мессы приходит она мне в голову. Тогда я обратился за советом к некоторым присутствовавшим при мне кардиналам и епископам: “Как вы думаете, хорошо ли бы было, если бы я сказал что-нибудь о желательности единения христиан?” Они мне ответили: “Конечно, Святой Отец, это никак не может повредить. Может быть, Святой Дух внушает Вам эту мысль!” — И тогда в соборе Св. Павла в последний день моления я сказал слово перед собравшимися кардиналами и епископами на эту тему». И он продолжал: «Нам нужно следовать словам апостола Павла, который говорит в Послании к Ефесянам, что Господь хочет “освятить Церковь... чтобы представить ее Себе славною Церковью не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна” (Еф 5: 26,27). Вот если мы станем очищаться и совершенствоваться, и если протестанты будут очищаться и совершенствоваться, и вы будете очищаться и совершенствоваться, то мы подготовим себя этим к единению. Ибо кто мы такие? Мы все — пустые сосуды. Благодать дается свыше. И еще одно, — прибавил папа, — мир теперь, в значительной части своих обитателей, потерял веру в Бога, но мир при этом глубоко несчастен. Вот мы должны идти к миру и проповедовать ему спасение, данное во Христе. Оно одно может спасти мир от отчаяния. Вот если мы будем проповедовать, и другие христиане будут проповедовать, то мы тем самым подготовимся к единению». На это я позволил себе сказать: «Да, Святой Отец, я совершенно с Вами согласен. Но как проповедовать тем, кто никогда не придут слушать проповеди? Ведь среди неверующих очень много хороших и честных представителей молодежи, которые потеряли веру из-за пережитых ужасов войны и связанных с ней разрушений, потери близких, разгрома семьи и родины, ужасных и непонятных страданий. Они потеряли веру в Правду Божью. Как им проповедовать?» — «Свидетельством любви, свидетельством служения любви». После этого папа спросил меня: «Вы печатали какие-либо книги?» Я ответил: «Да, Святой

Отец, и я очень хотел бы поднести Вам одну, но не посмел, так как я не знал, получу ли аудиенцию и не успел потому отдать ее переплести». — «Она у Вас с собой?» — «Да, Святой Отец». — «Дайте мне ее так, как она есть». Тогда я поднес папе Иоанну уже приготовленный мною на всякий случай экземпляр моей книги — «La sainte Moscou» (вышла в Париже (Les Editions du Cerf), в 1949 г.) со сделанной уже мною надписью. «А есть здесь Ваш адрес?» — «Нет, Святой Отец». — «Так напишите вот внизу Ваш адрес». Что я и сделал. «А теперь я хочу, — сказал папа, — дать Вам от себя маленький подарок». И с этими словами он открыл ящик письменного стола и вынул маленькую кожаную коробочку с Ватиканским гербом и протянул ее мне. В ней была бронзовая медаль папы Иоанна в профиль.

После этого я понял, что аудиенция кончилась и нужно уходить и, став на одно колено, я поцеловал его перстень.

— «Да, я забыл Вас спросить, из кого состоит теперь Ваша семья!» — спросил папа. Я ему сказал. — «Я буду молиться за них!».

Когда я вышел из кабинета папы, я посмотрел на часы: я пробыл у него 25 минут. Опять меня встретил в продолговатой комнате тот же немолодой уже прелат с одухотворенным, аскетическим лицом. «Il Santo Padre è un santo» («Святой Отец — Святой»), — сказал я ему. Те же слова сказал я человеку, обслуживающему подъемную машину.

